

**Софи Кёре МЕХАНИЗМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО
ПРИЗНАНИЯ СССР ФРАНЦИЕЙ В 1924 г. И
РАЗРАБОТКА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ ЕВРОПЫ ПО
МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
В СССР**

Sophie Cœuré

► **To cite this version:**

Sophie Cœuré. Софи Кёре МЕХАНИЗМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ СССР ФРАНЦИЕЙ В 1924 г. И РАЗРАБОТКА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ ЕВРОПЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В СССР. *Российские и славянские исследования*, 2015, X, pp.149-157. <halshs-01970649>

HAL Id: halshs-01970649

<https://shs.hal.science/halshs-01970649>

Submitted on 5 Jan 2019

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

МЕХАНИЗМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ СССР ФРАНЦИЕЙ В 1924 г. И РАЗРАБОТКА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЫ ЕВРОПЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В СССР

На событиях 1917—1924 гг. определяются механизмы формирования ментальной карты Центральной Европы на основании репортажей и воспоминаний французских путешественников в Советскую Россию, которые сталкивались с необходимостью пересечь на своем пути территории вновь образованных центральноевропейских государств. Характеризуется типология поездок французских путешественников, которые по мере завершения Гражданской войны в России приобретали все менее авантюристический характер и вели к постепенной нормализации образа новой России в представлении французских элит.

Focusing on the years 1917—1924, the article defines the mechanisms of construction of Central Europe «mental» map based on the stories and memories of French travelers to Soviet Russia, who inevitably faced the need to cross the territory of newly formed Central European states. The typology of French travelers trips is examined. The conclusion states that upon the completion of the Russian Civil War these trips were becoming less adventurist in nature and led to the gradual normalization of the image of the new Russia in the representation of French elites.

Ключевые слова: Центральная Европа; ментальная география; французские путешественники.

Keywords: Central Europe; Mental geography; French travellers.

Год 1924-й редко оценивается как поворотный момент в истории Советского государства. Ключевыми рубежами для периодизации, принятыми в советской историографии, обычно называют 1921 г., когда подавление Кронштадтского восстания привело к политике НЭПа; далее период 1928—1929 гг., связанный с «великим поворотом» к политике сталинизма во внутренней и экономической политике, а также «обострением классовой борьбы» в рамках глобальной политики III (Коммунистического) Интернационала; 1924 г. как «год дипломати-

В разделе «Историческое событие — личность в истории» представлены в виде статей выступления участников II белорусско-французской научной конференции «Средняя Европа между Францией и СССР: Признание Западом Советского Союза в 1924 г. и позиция стран Средней Европы (к 90-летию установления советско-французских дипломатических отношений)» (исторический факультет БГУ, Минск, 23 октября 2014 г.). Научный форум был организован силами кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета и лаборатории «Идентичность — культура — территория» Университета Дени Дидро (Париж 7) при поддержке Парижского фонда «Дом наук о человеке» и Посольства Республики Беларусь во Французской Республике.

Кёре Софи — профессор Университета Дени Дидро (Париж 7). E-mail: sophie.coeure@univ-paris-diderot.fr

ческого признания» России определил ключевые вопросы европейской международной политики, особенно в отношении стран Центральной Европы, выйдя далеко за пределы сугубо дипломатических сюжетов.

Ментальные карты и границы. Цель работы — пересмотр устоявшихся оценок периода 1918—1924 гг. в контексте сюжета о международном признании СССР Францией в 1924 г. Данное исследование является продолжением презентации французских и белорусских историков, проведенной в Париже в 2013 г., и раскрывает сюжет дипломатического признания СССР центральноевропейскими государствами в 1934 г. [1]. В рамках выступления были связаны международные политические отношения и антикоммунистические установки политических элит Франции, Великобритании и центральноевропейских государств с поворотом советской и коминтерновской дипломатий на курс «мирного сосуществования» с капиталистическими странами, которые, однако, продолжали оставаться не только инструментами влияния, но в ряде случаев и вмешательства. Был постулирован вывод о создании между 1917 и серединой 1920-х гг. такой модели коммунизма, которая из Москвы была навязана всему Западу, включая Центральную и Восточную Европу. Параллельно страны Центральной Европы путем заключения ряда военно-политических договоров построили барьеры против большевизма, никогда не прекращая переговоры с могущественной соседкой на востоке [2; 3]. Период 1918—1924 гг. определил ключевые параметры реляционного пространства нового типа, при котором восприятие территорий и границ соседствующих государств становится центральным вопросом державной политики, и в то же время идеологическая борьба и прагматизм становятся беспрецедентным, организованным ответом на вызов большевистского революционного интернационализма. Это во многом предопределило те противоречия и международную напряженность, которые остро проявили себя во второй половине 1930-х гг.

Ключевыми являются понятия «ментальная карта» и «границы» (*frontiures*). *Ментальная карта* [4—6] включает в себя содержание политических установок, стереотипов, унаследованных или воссозданных [7; 8]. Оно не противопоставляется политике силы (*hard power*), представленной стратегическими, военными, экономическими инструментами, но позволяет в условиях геополитической нестабильности связать в одно реальность и мироощущение. События и процессы переживались тогда как неотделимые от прошлого, но и как проекции на глобальное, обнадеживающее или, наоборот, пугающее будущее. Придя из географической науки, это понятие может быть полезным инструментом для исторических интерпретаций в привязке к конкретной геополитической реальности.

Иначе говоря, новизна большевистского проекта мировой революции в способах пропаганды и распространения идеологии ставила под сомнение понятия «территориальная целостность» и «границы». Размышление над этим вопросом было осуществлено нашим безвременно ушедшим коллегой историком из Санкт-Петербургского университета Олегом Кеном на совместном симпозиуме «Рубежи коммунизма», состоявшемся во Франции в 2007 г. [9, 10]. Недавно к данному вопросу обратилась Сабин Дюллен, которая в монографии, изданной в 2014 г., рефлексировала над понятием «толщина границы», подчеркивая значение 1924 г. в формировании государства и конституировании территории СССР [11]. Она напоминает, что становление большевистского режима отмечено напряженностью между двумя пространственными моделями: государством «нового типа», создаваемым из центра, Москвы, и необходимостью определить национальную политику на периферии в направлении, например, Западной Беларуси и Западной Украины. Большевистские лидеры надеялись, что смогут объединить эти разорванные пространства. Революционные очаги в Европе (забастовки во Франции, восстание группы «Спартак» в Германии, революции в Венгрии и Словакии, гражданские войны в странах Балтии) связаны между собой и с советским центром с помощью Коминтерна и тайной агентуры. Советско-польская война представляла собой неудач-

ную попытку создать «красное» пространство, которое могло бы связать Москву и революционную Европу.

Франция не испытывала такого прямого советского территориального давления на своих границах, но боялась «заражения» большевизмом. Она оставалась ключевым актором в отношении между СССР и Европой по причине трех основных факторов внутренней и внешней политики: во-первых, наличия сильной коммунистической партии, основанной в 1920 г. в Туре, во-вторых, стабилизации Европы в контексте экономического и культурного влияния французской дипломатии и, наконец, из-за конфликтных отношений с Германией, которые привели к созданию и реализации почти непереводаемого понятия «обратных союзов» [12—14]. В данном исследовании обозначенные выше теоретические рамки будут рассматриваться на конкретном материале ряда воспоминаний французских путешественников в СССР вплоть до момента признания СССР Францией в 1924 г.

«Авантюристические» путешествия из Парижа в Петроград. Типология поездок между 1918—1924 гг. Годы 1918—1924-й отмечены процессом строительства советского государства и формирования советской политики (сначала установления личных контактов, впоследствии — экономической и дипломатической линий) в отношении «буржуазной» Европы, а параллельно теми же людьми создавался Коминтерн, который был вписан в советскую парадигму европейского пространства посредством создания бюро в Берлине и Вене. Его целями были распространение мировой революции и оборона страны. На пересечении этих двух политик находились приглашение и прием первых иностранных туристов, каждый из которых, однако, имел свою цель визита (гуманитарная помощь, военная, дипломатическая, коммерческая, журналистская), но все они одновременно являлись «политическими туристами», которым показывались первые достижения государства нового типа. Открытие российских и французских архивов способствовало появлению многих работ по истории организации этих поездок в Москву, хотя самый начальный период, касающийся первой половины 1920-х гг., остается менее известен [15—17].

Кем же были французские путешественники, прибывавшие в советскую Россию? Если смотреть под углом зрения французских властей, которые тщательно отслеживали эти поездки в коммунистическое государство, не признаваемое Францией, то предложим следующую типологию: нелегальные путешественники (боевые революционеры и сочувствующие коммунистам, которые ехали без паспорта и часто под чужим именем), «толерлируемые» путешественники (журналисты, посланники гуманитарных миссий борющихся с голодом в России) и, наконец, официальные лица, посещавшие СССР с частными визитами. Это в общей сложности составляет менее сорока человек за пять лет (1918—1923 гг.) — значительно меньше, чем обратный поток во Францию, который сопровождал белую эмиграцию через Турцию, Центральную Европу, Германию и Францию и оценивается в несколько тысяч французов, живших в России. Он включал сотрудников предприятий и банков, преподавателей и домработниц и т. д., а также журналистов, членов французской военной миссии, направленной в 1916 г. Они возвращались во Францию в 1918—1924 гг., в итоге в России осталось лишь несколько учителей и священников, которые отказались ее покинуть, и некоторые офицеры и солдаты военной миссии, как, например, Пьер Паскаль, который предпочел остаться, чтобы воевать за большевистскую революцию [18].

Медленная нормализация. До войны прогресс в развитии железнодорожного сообщения позволял путешествовать между Парижем и Москвой за 1 день. После 1914 г. стало невозможным путешествовать через Германию и Польшу, а дорога морским путем до Петрограда в то время занимала около недели. С 1918 г., чтобы добраться до «Страны Советов», с которой Франция не имела дипломатических отношений, нужна была виза или пропуск, выданный в одной из европейских столиц, признававших советский режим или, по крайней мере, имевших советское торгпредство. Однако первые советские дипломаты опасались путеше-

ственников из буржуазной Франции, которая отправила свои контингенты в Сибирь и на черноморское побережье в 1918—1919 гг. на помощь Белому движению. Журналист Альбер Лондр, специальный корреспондент издания «Ексельсиор» (*L'excelsior*), ждал более 50 дней, чтобы получить разрешение на пересечение границы, последовательно запрашивая его у советских представителей: Гуковского — в Таллине, Литвинова — в Копенгагене и Коппа — в Берлине. «Я бы отправился на Марс», — восклицает он [19; 20]. Журналистка Луиза Вейс, которая собралась исследовать «великую тайну» России для журнала «Новая Европа» (*L'Europe nouvelle*), ожидала целый месяц в Риге в 1921 г., прежде чем получить пропуск, несмотря на письмо из французского МИД и генерала Поля По, президента французского Красного Креста, который просил ее информировать о голоде в России [21; 22]. Но положение постепенно нормализовалось. Политики Эдуард Эррио и Эдуард Даладьё — в 1922 г., Анатолий де Монзи — в 1923 г. и журналисты Анри Бери и Поль Бертле — в 1923 г. также ехали через Ригу, однако уже с пропуском, полученным в Париже у нового советского торгпреда М. И. Скобелева. Поль Бертле смог добраться до Москвы всего за 36 часов [23—26].

В режиме строгой секретности пересекали границу все те, кому Франция отказывала в выезде из страны (чтобы предотвратить нелегальный трафик пропагандистской литературы, секретной информации и денег между Парижем и Москвой). Французские активисты пользовались фальшивыми французскими или российскими паспортами в Берлине. Марсель Кашен, депутат от социалистической партии, официально отправился в июне — июле 1920 г. на II конгресс Коминтерна и присоединился к новой французской секции Коминтерна в декабре 1920 г. на конгрессе в Туре, был вынужден прибегнуть к подобной уловке в 1922 г., что ставило его в весьма неловкое положение. Мадлен Пеллетье, феминистка и анархистка, которая только вступила во Французскую компартию, в 1921 г. предприняла 6-недельное «авантюрное путешествие» в Москву на III конгресс Коминтерна [27]. Возвращение во Францию для многих из них также не было простым. Морис Вандам, анархист, разделявший коммунистические идеи, но критиковавший политику, проводимую большевиками, был исключен из состава II конгресса Коминтерна в 1920 г. и обвинен в шпионаже в пользу французской полиции. Его дорога на родину заняла 6 месяцев и проходила через раздираемую гражданской войной Украину, Грецию и Италию [28].

Ментальная карта Новой Европы. Европа наций, Европа в войне. Рассказы путешественников показывают, иногда явно, иногда неявно, что вступление Европы в новую эпоху состоялось: еще перед тем как столкнуться с большевистской Россией, многие из них могли наблюдать Европу в сложном процессе создания новых европейских национальных государств. Новое значение паспортов и виз, о котором рассуждал австрийский писатель Стефан Цвейг в воспоминаниях [29], как ключевой фактор разрыва привычных путей сообщения после Первой мировой войны разделял и Альбер Лондр: «...в этом адском возрасте свободы бедный путешественник без паспорта на дорогах Европы был словно потерпевший кораблекрушение на плоту посреди Тихого океана». Несмотря на подписание мирных договоров в 1919—1922 гг., ощущение нестабильности границ и режимов доминировало, ментальная карта новой Европы была еще далека от стабильности. Альбер Лондр в 1920 г. подчеркивает хрупкость независимости стран Балтии, которые он считает слишком «молодыми». Эдуард Эррио размышляет о быстрых изменениях, свидетелем которых стало его поколение: «...я не могу оторвать глаз от этих гор праха, в которые обратились две мощные империи; между Кенигсбергом и Ригой нам придется пересечь несколько границ Литвы и Латвии, не говоря уже об известном Польском коридоре. Сколько остановок! Ах! Конечно, нет никакого спокойствия в это части Европы!»

И Эррио, и другие путешественники отмечали следы недавних бедствий Первой мировой войны: разрушения, руины, поля сражений в Восточной Пруссии, страдания и голод в Германии и Австрии, разделенных по мирным договорам. Гражданская война между «красными» и

«белыми» становилась живым фоном для первых французских туристов, усложняя пути их следования. Например, Альбер Лондр вынужден был ожидать в Хельсинки в мае 1920 г., чтобы получить от военных пропуск, и так описывал финскую границу: «Мы в шаге от окопов, мы окружены колючей проволокой. Другими словами, здесь я снова военный корреспондент». Гражданская война оказывала большое политическое влияние на тех активистов, которые ехали защищать новый режим в России и выступали во Франции с осуждением интервенции и проив поддержки антибольшевистских армий. В этом совпадают впечатления Маврикиуса (Мориса Вандама) и Андре Моризе, социалиста, незадолго до этого ставшего мэром Булони и участвовавшего в создании Французской секции Коммунистического интернационала на конгрессе в Туре, отправившегося на III конгресс Коминтерна в 1921 г. Маврикиус прибыл в Нарву после путешествия на корабле, набитом революционерами из Франции, Швейцарии и Чехии, в Эстонию, только что успокоившуюся после подписания мирного договора с РСФСР в Тарту 2 февраля 1920 г. Русская равнина «с полями, почерневшими от взрывов, сожженными скелетами деревьев, с пожарищами изб» являет ему образ войны и вторжения. Андре Моризе аналогично описывает Эстонию: «...мы устали считать следы от снарядов, уничтоженных огнем деревьев, могил, оставшихся после Юденича, одного из последних убийц Антанты, которыми была устлана дорога во время наступления на Петроград в 1919 году» [30].

Зона контакта между режимами. Пересекая Европу, путешественники наблюдали переходную область между новой Россией и Францией. Это пространство простиралось через Германию (Берлин показан там как ключевой пункт большевистской активности) и расположенную далее Восточную Пруссию, ставшую словно новой Швейцарией для эмигрантов и беженцев, а также зоной наиболее беспрепятственного передвижения нелегальных путешественников. Чтобы достичь пункта пропуска на советскую территорию, нужно было планировать путешествие через Швецию, которая стала первой страной, принявшей в мае 1920 г. советское дипломатическое представительство. Затем нужно было через Финляндию добраться до Петрограда, а иногда и Мурманска. Другой маршрут проходил через страны Балтии, точками перехода были эстонская Нарва или литовский Себеж (что стало возможным после мирных соглашений, заключенных в июле — октябре 1920 г.). Однако Северо-Восточная Европа не была единственно возможной зоной для въезда, следует отметить несколько упоминаний журналистов, сопровождавших экспедиционные силы, посланные Францией и Великобританией в Сибирь, в том числе Йозефа Кесселя, родившегося в Аргентине в семье русских евреев-эмигрантов, который нес службу в составе сил французской авиации [31; 32].

Что же касается Пруссии и стран Балтии, в рассказах о железнодорожных путешествиях описывается стереотипный образ непрерывного равнинного пейзажа болот и лесов. Моризе, например, отмечал: «Этот северный пейзаж был настолько новым для большинства из нас, это сладкое и меланхоличное чередование под бледным небом лугов, березовых рощ и малых озер». Луиза Вейс так описывала 40 часов на поезде из Риги в Петроград: «...в сельской местности пруды, сосны, торфяники, черные деревянные дома, все бедные, лишь одни березы, обитые белым шелком в позолоте их листы», — здесь видна преемственность с описаниями Центральной Европы в более ранних географических произведениях (Элиза Реклю в конце XIX в. [33; 34]; политический географ Жак Ансель в своих трудах в межвоенный период [35; 36]), в которых оказывается невидимым присутствие Румынии и особенно Польши, находившейся на самом прямом пути из Парижа в Москву. Это осталось неизменным и после подписания польско-советского (Рижского) мира в марте 1921 г. Это были скорее технические причины, а не политические, в итоге восстановление железнодорожного сообщения осуществилось в середине 1920-х гг. Передвижение через Румынию оставалось проблематичным, поэтому почти никто из путешественников не пересекал Украину и

Беларусь, которые оформлялись на ментальной карте постепенно как союзники Советов. Об этом свидетельствует карта, опубликованная в журнале «Новая Европа» в 1922 г.

Луиза Вейс, молодая корреспондент *Petit Parisien*, ставшая впоследствии одной из основательниц *L'Europe Nouvelle*, была единственной, кто, прежде чем покинуть СССР, смог зафиксировать полную панораму в своих репортажах 1919—1921 гг. в буферной зоне между Европой и Советской Россией. Она провела «тридцать месяцев наблюдений в Центральной и Восточной Европе, Варшаве, Львове, Праге, Вене, Будапеште, Бухаресте, Белграде», находясь в тесном контакте с французскими дипломатами и сотрудниками французских военных миссий. Из этих еле дышащих лоскутков Европы, которые ее шеф Эли Йозеф Буа валил с презрением в одну кучу под названием «славянский мармелад», она четко выделяет Чехословакию, более близкую ей в связи с романтическими отношениями с Миланом Штефаником. Вейс солидарна с пражскими и братиславскими политиками, считавшими Чехословакию единственной «европейской» страной, обращенной к Западу. Она цитирует ироничное замечание одного из чешских промышленников касательно спорной области Тешинской Силезии: «Моя дорогая француженка! Посмотрим! Посмотрим! Будем разумны! Ни я, ни мои коллеги не хотят жить в Азии! Азией для него была уже Польша». Как и ее коллеги, Луиза Вейс выделяла Балканы — изолированный сегмент Европы, затем Мария Тодорова показала, как воображаемое пространство Балкан строилось на основе совершенно других конструкторов, более ориенталистских, чем общий контекст Восточной Европы [37].

Смысл дипломатического признания. Пространство между Западом и Россией воспринималось Лениным и его правительством как средство стабилизации границ: вначале резко, в ходе Брест-Литовского мира в марте 1918 г., затем более расчетливо, с угасанием надежды на распространение революции в Европе. Набор описаний и представлений о Европе, простиравшейся на восток от Германии, особенно впечатляет моментом прохождения советского пограничного пункта, который повергал в шок от смены режима (или даже цивилизации). Так, было отмечено прибытие в Себеж (из Риги) на еще не имевшую атрибутов настоящей границы станцию, установленную в арке одной из будок вокзала. Однако другой символизм ощущался уже в цветах красных знамен и шапок солдат. На обратном пути переход границы являл собой возвращение к цивилизованному миру, как это отмечал Робер Воше, журналист, возвращавшийся через Швецию в конце 1918 г. [38], эту оценку разделяли и Анри Беро и Поль Бертле. Для революционеров, наоборот, эта граница открывала испорченный мир, равно как и закрывала его для бегущих белых эмигрантов, словно во времена Французской революции. Польша, о которой отсутствуют упоминания в записках путешественников, так как через нее путь был закрыт, не менее часто называется как враждебный символ «санитарного кордона», возведенного капиталистическим миром. Магдалена Маркс, журналистка и левая активистка, принимавшая участие в учредительном съезде французской компартии и представлявшая ее в СССР в 1922 г. в рамках гуманитарной миссии по борьбе с голодом, опубликовала две книги: путевые записки «Шесть месяцев в советской России» (*Six mois en Russie soviétique*) и «Польша — это ад» (*La Pologne est un enfer*) [39; 40]. В них она жестко раскрывает реакционную диктатуру и антикоммунизм польских властей, угнетение рабочих, дискриминацию национальных и религиозных меньшинств на присоединенных, согласно Рижскому миру, территориях. Путевые заметки других коммунистов, датированные 1918—1924 гг., подвергают сомнению существование санитарного кордона, который они рассматривали не столько в качестве способа защиты от экспорта революции в Европу, сколько как агрессивную блокаду Востока со стороны Запада, вызвавшую голод и тяжелейшую экономическую разруху.

В чем же тогда мог быть смысл дипломатического признания СССР Францией? Для Андре Моризе, который отвечал на такой вопрос наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, оно должно было разрезать «знаменитую колючую проволоку, натянутую Клемансо вдоль российской территории». Для Магдален Пеллетье оно означало «ремни ненависти, которыми

сильные мира пытаются вновь обуздать народ, где впервые пролетариат смел их разорвать». Тема интернационализма, которой проникались группы иностранных коммунистов в Москве, революционные батальоны, составленные из украинцев, латышей и поляков, волна революций 1918 г. и конституция 1918 г., которая предложила советское гражданство пролетариям всех стран, латентно пересекались с пространственной моделью двух противоборствующих миров. «Защита Советской России» в 1920 г. была включена в «Двадцать одно условие», которые предъявлялись к западным коммунистическим партиям, желающим присоединиться к Коминтерну.

Луиза Вейс в текстах в «Новой Европе» предложила более критическую геополитическую оценку советской империалистической экспансии, которая ей показалась продолжением политики царских времен. «Гегемонию, потерянную на окраинах империи центральной властью в пользу национальных движений, Москва надеется вернуть посредством унификации, которая рассматривается как триумф коммунизма», — пишет она. Например, она осуждает «российскую угрозу» в Бессарабии. Это не мешало ей надеяться, что переход к «великой европейской республике, наполовину европейской, наполовину азиатской, с гармоничным соблюдением принципов автономизма и федерализма и стремлением к достижению социального прогресса, сочетающей принципы парламентаризма и советизма, индустриально возрожденной, позволит ей найти себя гораздо дальше от коммунизма, и гораздо ближе к государственному капитализму».

Для Анатоля де Монзи «граница конформизма» находилась на Висле и Дунае. Очарованный силой потрясений и политических инноваций советского коммунизма, но отмечая разрушительные последствия Гражданской войны и оставаясь идеологически враждебным к коммунизму, он не желает его воплощения во Франции и надеется на постепенное смягчение революционного проекта. Как Анатоль де Монзи, Эдуард Эррио и Эдуард Даладьё отмечали становление нового советского империализма, в то же время признавая легитимность его геополитической преемственности с Российской империей. Им казалось, что внутренняя эволюция советского режима приведет к аннулированию идеи «санитарного кордона», что позволит строить сотрудничество на принципах экономических интересов и коллективной европейской безопасности, одинаково важных для обоих участников. Эта же двусмысленность политики прагматичного признания и примирения Франции и России основывалась на многовековой симпатии между народами и культурами. «Я уже замечаю глубокое сходство между этой страной и Францией, и та и другая крепко держатся на сельском хозяйстве», — писал Эррио. Придуманный Лениным в начале 1920-х гг. термин «мирное сосуществование» появится в языке французской политики не ранее, чем в эпоху Хрущева. Однако такая прагматичная политика поможет Франции обратить против Германии не только всю Центральную и Восточную Европу, но и Россию, которая вновь станет ее союзником. Надежда на эволюцию России в сторону «декоммунизации» (Луиза Вейс), идея, что «большевистская доктрина изменится в соответствии с требованиями государственной политики» (Эррио), позволили воспринимать советскую политику как национальную, имперскую, вписанную в новую европейскую стабильность. Она уменьшила страх от «революционной заразы» и, как ни кажется парадоксальным, ослабила позиции революционеров в странах Запада, которые также смирились со стабилизацией, пусть и временной, советского режима в пределах своих границ в начале 1920-х гг.

Выводы. Воспоминания путешественников являются, конечно, не единственным источником для построения ментальных карт. Многие путешествия не нашли своего отражения в публикациях (поездки промышленников, дипломатов, военных). Следует также сравнивать информацию с той информацией, которую пытались донести до дипломатов и экспертов мирных конференций представители политических национальных движений бывшей Российской империи.

Вывод, на который я хотела бы обратить внимание, вероятно, дискуссионный. Во-первых, круг вопросов, которые рассматривались во французской публичной сфере, апеллировал к модели «С запада на восток», к культурному тренду эпохи Просвещения, геополитически закреплённому в годы походов Наполеона, что было проанализировано в работах Мартина Малия горизонтальной оси, начинавшейся в Великобритании и Франции и через Германию связанной с Россией [41]. Но записки путешественников призывают нас брать в расчет и ментальную карту более обширной области, которая моделируется по оси север — юг, расположенной в центре (или середине Европе), простирающейся из Восточной Пруссии к Финляндии и прибалтийским странам как зоне контакта с Востоком, и через Польшу, Венгрию, Румынию и Украину как зону изоляции, лежащую вдоль санитарного кордона. Однако эта карта была стерта в 1930-е гг. в результате реанимации германского вопроса для Франции и Европы.

Во-вторых, эти контакты в ранний период привели к временной стабилизации ментальной карты, которая оттеснила на второй план идеологические вызовы и угрозы большевизма и вывела на первый план идеи, которые независимо от позитивных или негативных оценок повлияли на эволюцию коммунизма в России. Они не совпадают с контекстом французской внутрисполитической дискуссии, где доминировало противостояние коммунизма и антикоммунизма (политическое и идеологическое), которое Майкл Карли оценивает как «первую холодную войну». Этот образ двух блоков облегчил Франции признание СССР в 1924 г. [42]. Но восстановление железнодорожного сообщения через Польшу, как ни парадоксально, усилило восприятие двух идеологически враждебных миров в записках путешественников, которые вступали на советскую территорию, как правило, на пограничной станции Негорелое, под Дзержинском, и были избавлены от сложностей контекста отношений между СССР и его западными лимитрофами.

Перевод с французского языка доцента кафедры истории южных и западных славян БГУ В. В. Репина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Kère C.* Присутствие и отсутствие Советской России в геополитике Центральной и Восточной Европы (1917—1924): политика, пространства и репрезентации // Российские и славянские исследования : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2014. Вып. 9. С. 151—160.
2. *Les conséquences des traités de paix en Europe centrale et sud orientale* / ed. Aycoberry Pierre. Presses universitaires de Strasbourg, 1987. 400 p.
3. *Sortir de la Grande Guerre. Le monde et l'après-1918* / eds. Stéphane Audoin-Rouzeau, Christophe Prochasson. Paris : Talladier, 2008. 511 p.
4. *Schenk Frithjof Benjamin.* Mental Maps: The Cognitive Mapping of the Continent as an Object of Research of European History // Europäische Geschichte Online (EGO) URL: <http://www.ieg-ego.eu/schenkf-2013-en> (дата обращения: 01.11.2014)
5. *Mental maps in the era of two world wars* / eds. Stephen Casey, Jonathan Wright. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
6. *Mental Maps in the Early Cold War Era, 1945—1968* / eds. Stephen Casey, Jonathan Wright. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2011. 304 p.
7. *Baczko, Bronislaw.* Les imaginaires sociaux. Mémoires et espoirs collectifs. Paris : Payot, 1984. 242 p.
8. *Une idée fausse est un fait vrai. Les stéréotypes nationaux en Europe* / ed. Jean-Noël Jeanneney. Paris : Odile Jacob, 2000. 229 p.
9. *Ken O. H.* System Error? Москва и западные соседи в 1920—1930-е годы // Неприкосновенный запас. 2002. № 4. С. 30—38.
10. *Ken Oleg.* L'URSS comme «zone frontalière». La formation et la projection vers l'intérieur du discours et des méthodes de contrôle territorial dans l'URSS des années 1920 et 1930 // Frontières du communisme.

Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin / eds. Sophie Coeuré, Sabine Dullin. Paris : La Découverte, 2007. P. 313—335.

11. *Dullin Sabine*, La Frontière épaisse. Aux origines des politiques soviétiques (1920—1940). Paris : Editions de l'EHESS, 2014. 360 p.
12. *Sandu Traian*. Le système de sécurité français en Europe centre-orientale, l'exemple roumain (1919 à 1933). Paris : L'Harmattan, 1999. 495 p.
13. *Davion Isabelle*. Mon voisin, cet ennemi. La politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939. Bruxelles : Peter Lang, 2009. 472 p.
14. *Dessberg Frédéric*. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935). Bruxelles : P. I. E. Peter Lang, 2009. 440 p.
15. *Coeuré Sophie*. La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917—1939). Paris : Le Seuil, 1999. 358 p.
16. *Mazuy Rachel*. Croire plutôt que voir. Voyages français en Russie soviétique (1917—1939). Paris : Odile Jacob, 2002. 366 p.
17. *Голубев А. В.* «...взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920—1930-х годов. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2004. 274 с.
18. *Coeuré Sophie*. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme. Lausanne : Noir sur Blanc, 2014. 416 p.
19. *Londres Albert*. Dans la Russie des Soviets. Editions de Londres, 2012. 86 p.
20. *Assouline Pierre*. Albert Londres. Vie et mort d'un grand reporter. 1884—1932. Paris : Baland, 1989.
21. *Weiss Louise*. Cinq semaines à Moscou. Paris / ed. de l'Europe nouvelle. 1922. 40 p.
22. *Weiss Louise*. L'mémoires d'une Européenne : 3 vol. Paris : Payot, 1970. T. II (1919—1934). 360 p.
23. *Herriot Edouard*. La Russie nouvelle. Paris : Ferenczi, 1922. 302 p.
24. *Monzie Anatole de*. Du Kremlin au Luxembourg. Paris : Delpeuch, 1924. 269 p.
25. *Béraud Henri*. Ce que j'ai vu à Moscou. Paris, 1923. 252 p.
26. *Berthelet Paul*. «Au pays des fous». Paris, 1923.
27. *Pelletier Madeleine*. Mon voyage aventureux en Russie soviétique. Paris : M. Giard, 1922. 218 p.
28. Mauricius (pseudonyme de Maurice Vandamme). Au pays des Soviets (neuf mois d'aventures). Paris : E. Figuières, 1922. 344 p.
29. *Zweig Stefan*. Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers : Bermann-Fischer, 1944. 498 p.
30. *Morizet André*. Chez Lénine et Trotsky: Moscou 1921 / préface de Léon Trotski. Paris : La Renaissance du livre, 1922. 300 p.
31. *Kessel Joseph*. Les reportages in Le Temps de l'espérance (1919—1929). Paris : Tallandier, 2010. 300 p.
32. *Kessel Joseph*. Les temps sauvages. Paris : Gallimard, 1975. 191 p.
33. *Reclus Elisée*. Nouvelle géographie universelle. Paris : Hachette, 1878. T. III : L'Europe centrale. 982 p.
34. *Reclus Elisée*. Nouvelle géographie universelle. Paris : Hachette, 1880. T. V : L'Europe scandinave et russe. 944 p.
35. *Ancel Jacques*. Géographie des frontières. Paris : Gallimard, 1938. 209 p.
36. *Ancel Jacques*. Manuel géographique de politique européenne : 2 vol. Paris : Delagrave, 1936—1940.
37. *Todorova Maria*. Imaging the Balkans. New York : Oxford University Press, 1997, 2009. 257 p.
38. *Vaucher Robert*. L'enfer bolchevique. A Petrograd sous la Commune et la Terreur rouge. Paris : Perrin, 1920.
39. *Marx Magdeleine*. C'est la lutte finale!.. (Six mois en Russie soviétique). Paris : Flammarion, 1923. 260 p.
40. *Marx Magdeleine*. La Pologne est un enfer. Paris : Editions du Secours rouge international, 1924. 29 p.
41. *Malia Martin*. Russia under Western Eyes, From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Harvard University Press, 1999. 514 p.
42. *Carley Michael Jabara*. Episodes from the Early Cold War: Franco-Soviet Relations, 1917—1927 // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. № 7. P. 1275—1305.

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2014 г.